

Тяжёлая дверь с глухим стуком захлопнулась.

Пэй Чан, прижатый спиной к створке, почувствовал, как сильные руки подхватили его под бёдра и высоко подняли.

— Цинь Ихэ... — сорвался с его губ тихий, хриплый стон.

Их губы слились в глубоком, иступлённом поцелуе. Пэй Чан задыхался, влага скользила из уголка его рта вниз, к кадыку, но он жадно сглатывал её, ловя каждое движение чужого языка.

Тонкий, едва уловимый привкус крови коснулся его горла. Пэй Чан сильнее вцепился в волосы возлюбленного, и в его охваченном лихорадочным жаром теле вспыхнула дикая, иррациональная, почти болезненная ревность.

Чья это была кровь — сладковатая, с привкусом соли? Кого он укусил? Пусть даже ради того, чтобы утолить голод, но как Цинь Ихэ посмел пить чужую кровь?! Как на его губах мог остаться чужой вкус?!

Цинь Ихэ должен был терзать его плоть, пить только его кровь! Оставлять свой след только на нём, растворяться в его теле без остатка!

Лицо Пэй Чана залил густой румянец. Безумная, неодолимая жажда быть растерзанным, поглощённым этим чудовищем целиком захлестнула его с головой. Тело плавилось от невыносимого вожделения. Он судорожно дрожал и извивался в чужих руках, и каждый его стон становился всё громче и отчаяннее, когда Цинь Ихэ, спрятав острые клыки, принялся покрывать его лицо нежными поцелуями. И прямо там, в тисках собственной ревности и удушающей похоти, Пэй Чан сдался — ткань его брюк потемнела от влаги.

Содрогаясь от мелкой дрожи, он приоткрыл затуманенные глаза. Припухшие, влажные губы приоткрылись, а между их языками, всё ещё порочно переплетавшимися, потянулась тонкая серебристая нить.

— Пэй... Чан... — раздался у самого его уха хриплый, натужный шёпот.

Этот сухой, каркающий звук трудно было назвать приятным. В нём сквозило нечто жуткое, потустороннее, будто заговорил сам дьявол. Но в ту секунду, когда Пэй Чан услышал своё имя, его захлестнуло такое острое, щемящее счастье, что к глазам подступили слёзы.

Он судорожно обхватил руками шею мужчины. Дыхание сбилось, тело забило в экстазе, и новая волна возбуждения накрыла его с головой.

— Цинь Ихэ... — выдохнул он. Голос застрял в горле, пережатый невыносимой, удушающей нежностью.

Вся любовь, которую невозможно было облечь в слова, теперь изливалась в этом имени, которое он упрямо, раз за разом шептал одними губами.

Цинь Ихэ сжал его в объятиях с такой силой, словно пытался вдавить, растворить в своём поджаром обнажённом теле. Пэй Чану не было больно — напротив, он испытывал почти болезненный, запредельный восторг. Промокшая ткань его брюк прижалась к чужому животу, пачкая его ещё более липкой, горячей влагой.

Когда Цинь Ихэ опустил на него взгляд, Пэй Чан вспыхнул до корней волос и робко попытался прикрыть ладонью пах.

— Не смотри... — прошептал он.

Этот густой румянец делал его невероятно трогательным, а влажный, подёрнутый дымкой взгляд лишал рассудка. В Пэй Чане удивительным образом уживались невинная застенчивость и порочная покорность, и это сочетание без промаха ударило в самую уязвимую глубину души Цинь Ихэ.

Сильные руки обхватили длинные бёдра Пэй Чана и резко потянули вверх. Тот ахнул, когда его колени оказались закинута на чужие плечи. Теперь он смотрел на Цинь Ихэ сверху вниз. Пунцовый жар заливал его лицо и шею. Пленённый собственным стыдом и предвкушением, он медленно отвёл руку, освобождая то, что пытался спрятать — это движение походило одновременно и на попытку оттолкнуть, и на безмолвный призыв.

Взгляд Цинь Ихэ потемнел от вожделения. Он наклонился и зубами потянул вниз замок его ширинки. Пэй Чан, совершенно растерявшись от смущения, содрогался от сладкой дрожи, но не мог заставить себя отвести взгляд — его лихорадочно блестящие глаза были прикованы к лицу партнёра.

— Ах!..

Он выгнулся в пояснице, пальцы судорожно вцепились в волосы Цинь Ихэ, прижимая его голову к себе. Пальцы на ногах натянулись, глаза увлажнились. Обжигающая волна удовольствия затопила тело, проникая в каждую клетку, и Пэй Чан едва сдерживал рвущийся наружу бесстыдный крик. Но упрямая гордость и стыд заставили его плотно сжать зубы, сдерживая стоны и лишь прерывисто, часто дыша.

Горячие ладони, до этого сжимавшие его бёдра, скользили выше, лаская поясницу и спину. Опасные, острые когти были бережно спрятаны — Цинь Ихэ вел подушечками пальцев по нежной коже, очерчивая выступающие позвонки с бесконечной, щемящей нежностью.

Пэй Чан был слишком худым. Перенесённая болезнь не только избавила его от застарелого недуга, но и выпила почти все жизненные силы, словно вырвав из его тела огромный кусок живой плоти.

Череда мелких, бережных поцелуев спускалась всё ниже, к внутренней стороне бёдер. От такой ласки Пэй Чан вспыхнул ещё сильнее. Он заворожённо смотрел, как этот опасный хищник без тени брезгливости целует его тело, вкладывая в каждое прикосновение благоговение и заботу. На ресницах Пэй Чана задрожали слёзы, а в уголках глаз разлился томный, лихорадочный румянец.

— Цинь Ихэ... — прошептал он, едва шевеля губами. — Поцелуй меня. Пожалуйста, поцелуй ещё...

Цинь Ихэ бросил на него короткий взгляд и послушно прильнул к нему. Закинув голову и прижимаясь затылком к двери, Пэй Чан чувствовал, как дорогой, некогда безупречный костюм сминается и сползает с плеч. В этот миг он больше не был строгим, недостижимым господином Пэй. Он превратился в обычного человека, который отчаянно, до боли нуждался в том, чтобы его любили и крепко держали в объятиях.

Застегнув на запястье Цинь Ихэ дорогие, безупречно выполненные часы, Пэй Чан с удовольствием оглядел его руку и не удержался — прижался губами к холодному металлу.

Его влажная от пота чёлка разметалась по лбу, кожа всё ещё сохраняла нежно-розовый оттенок, ослабленный галстук небрежно свисал набок, а помятая рубашка частично выбилась из брюк. Но этот беспорядок ничуть не портил его; напротив, в этой редкой минуте абсолютной расслабленности Пэй Чан казался невероятно притягательным и лениво-грациозным.

— Цинь Ихэ, здесь забит мой номер, — Пэй Чан уютно устроился в его объятиях и, взяв мужчину за руку, начал терпеливо показывать, как пользоваться устройством. — В любой момент, когда ты наберёшь меня, я отвечу. Сразу же.

Он переплел их пальцы и снова припал губами к ладони Цинь Ихэ.

Эта исхудавшая, покрытая старыми шрамами кисть с неестественно длинными пальцами и острыми, пугающими когтями принадлежала жуткому, рождённому в кошмарах чудовищу. Но Пэй Чан любил эти руки больше всего на свете.

Ему безумно нравилось держать их в своих ладонях, переплетать пальцы, осыпать поцелуями и не выпускать даже во сне. Если бы на этих запястьях не осталось ужасных шрамов от кандалов, Пэй Чан, пожалуй, приковал бы Цинь Ихэ к себе настоящими наручниками, чтобы не расставаться ни на секунду.

— Угу, — отозвался Цинь Ихэ.

Этот короткий, хриплый звук отозвался в душе Пэй Чана щемящей нежностью.

Он прикрыл глаза, чувствуя себя так, словно погружается в прекрасный, зыбкий сон, из которого ни за что не захочется возвращаться. Но стоило векам сомкнуться, как его тело вновь оторвалось от земли. Пэй Чан удивленно распахнул глаза и растерянно посмотрел на мужчину.

— Что такое?

Цинь Ихэ аккуратно усадил его на край обеденного стола и бережно коснулся ладонью его щеки. Пэй Чан проследил взглядом за тем, как мужчина развернулся и медленно направился в сторону кухни. Его сердце пропустило удар, а затем наполнилось таким щемящим теплом, что перехватило дыхание.

Он задумчиво коснулся собственного лица — за время болезни он сильно осунулся, под пальцами отчетливо проступали острые скулы. Сидя на столе, он тихонько рассмеялся и принялся беззаботно болтать ногами, совсем как ребёнок. За окном расстилалась тихая, залитая мягким лунным светом ночь.

Вдруг со стороны кухни донёсся звон бьющейся посуды. Пэй Чан вздрогнул и поспешил на звук.

Цинь Ихэ застыл посреди разгрома, растерянно разглядывая свои ладони. На полу сияли осколки тарелки, а на столешнице царил хаос.

Он забыл. Он всё ещё оставался человеком, но в то же время перестал им быть. Оковы, сжимавшие его конечности целых десять лет, лишили его былой ловкости. Всё вокруг казалось ему чужим, непонятным. Даже сам этот мир теперь выглядел совсем не так, как в его воспоминаниях.

Пэй Чан крепко обнял его за пояс и заглянул в лицо:

— Всё хорошо, правда, ничего страшного. Я совсем не голоден.

Цинь Ихэ молча посмотрел на него сверху вниз и снова осторожно погладил его по щеке. От этого жеста у Пэй Чана сжалось сердце — глухая, щемящая боль вновь разлилась в груди.

Он не мог видеть в глазах Цинь Ихэ даже намёка на тоску. Этот раненый, беззащитный взгляд ранил Пэй Чана сильнее любых клинков.

— Завтра же я велю слугам вернуться, — тихо заговорил он, не отрывая взгляда от любимого лица. — Они приберутся здесь и будут готовить нам еду, хорошо?

Пэй Чан на самом деле не хотел, чтобы в этот дом ступала нога постороннего. Ему хотелось запереть все двери, занавесить окна и никогда не выходить наружу. Будь его воля, он бы с радостью остался здесь навсегда и сгнил заживо бок о бок с Цинь Ихэ.

Но Цинь Ихэ этого не желал. Там, куда не проникает солнечный свет, было слишком темно.

Цинь Ихэ легко приподнял Пэй Чана, усаживая на кухонную тумбу, и потянулся к его губам. Этот нежный поцелуй заставил Пэй Чана наконец расслабиться. Он тут же обвил руками шею мужчины, отвечая на ласку. Их языки переплелись в долгом, томительном поцелуе, стирая все тревоги. Ночь за окном становилась глубже и пьянящей.

Система «Мужчина-мамочка» 7008 сидела на полу в углу и с абсолютно отсутствующим выражением лица созерцала потолок, слушая доносящиеся со всех сторон прерывистые вздохи и тихие стоны.

В последнее время помощник Сунь каждое утро замечал на теле своего босса новые отметины. То это были глубокие следы от зубов, то тёмные багровые засосы.

Он искренне не хотел совать нос в личную жизнь начальника, однако эти недвусмысленные следы так откровенно бросались в глаза, что игнорировать их было просто невозможно.

И хотя благодаря этому Пэй Чан стал казаться чуть более живым человеком, а не бездушной ледяной глыбой, к которой страшно даже подступить, доступнее он не стал.

Напротив, слухи о том, что генеральный директор «свил золотое гнёздышко для тайного любовника», окутали его фигуру ещё более зловещим и загадочным флёром.

К тому же Пэй Чан принялся безжалостно отменять светские рауты и деловые ужины, предпочитая уезжать домой сразу после работы и никого у себя не принимать.

Яркие отметины на его коже не сделали Пэй Чана мягче — скорее подчеркнули его холодность и безжалостность. Раньше он был одинаково равнодушен ко всем без исключения, но теперь, когда кто-то сумел растопить этот панцирь, его привычное высокомерие по отношению к остальным стало казаться особенно изощрённой жестокостью.

Теперь даже те, кто не имел к Корпорации Пэй никакого отношения, сгорали от любопытства, пытаясь разгадать тайну наследного принца.